

НАОТМАШЪ

Марина Кустяева

Марина Кистяева

Наотмашь

«Кистяева Марина»

2021

Кистяева М. А.

Наотмашь / М. А. Кистяева — «Кистяева Марина», 2021

Она должна была стать женой брата. Стала – его. Она пришла в его дом на рассвете. Маленькая и потерянная. Носящая под сердцем ребенка... Не его. Их брак – вынужден. Его страсть к ней – настоящая. Как удар. Наотмашь... Только она не спешит к нему в объятия. Но она будет его. По любви или... просто будет его.

© Кистяева М. А., 2021

© Кистяева Марина, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марина Кистяева

«Наотмашь»

Глава 1

– Вадим Рустамович...

Мужской голос ворвался в сознание.

Вадим повел головой, никак не желая принимать действительность.

Напротив него остановились двое.

Какого черта им от него надо?

Вот какого?..

Он задрал голову.

Ни хрена ничего не видит.

Поднял руку и протер глаза, сильно надавив на глазные яблоки.

Хоть что-то прояснилось...

Перед ним стояли два парня. Обоих он знал. Встречались.

– Что? – грубовато бросил Вадим.

Ему не до щепетильности.

– Наиль Касимович просил о встрече.

Касимович и просил...

Шито белыми нитками.

Садаров не просит. Он ставит перед фактами.

Вадим мотнул головой.

– Не сегодня.

– Наиль Касимович настаивает.

В груди у Вадима загло с новой силой. Сейчас разнесет всё к чертям собачьим! Какого они нарываються? Не видят его состояние?

Он, сдерживаясь из последних сил, поднялся.

Один из парней, кажется, Дмитрий, поспешно сделал шаг назад. Правильно... Не в том он состоянии, чтобы сейчас что-то кому-то объяснять.

– Я всё сказал.

Разговор окончен.

Он уже собирался выдвинуться в сторону выхода, когда второй смертник преградил ему путь. Правда, заметно нервничая, даже глаз дернулся.

– Вадим Рустамович, это касается вашего брата.

Брата...

Всё.

Забрало упало.

Вадим не помнил, как сел за руль и доехал до дома Садарова, благо тот находился в полчаса езды от больницы. Он полностью сконцентрировался на дороге, понимая, что, в случае его оплошности, и он окажется на больничной койке. А дальше...

Грудь по-прежнему сжимало тисками, да так, что ни вздохнуть ни выдохнуть.

Тимур, ты придурок. Ты... Что ты наделал? Во что ввязался?

В глаза, казалось, щедро насыпали песка. Вадим понимал, что слез стыдиться нечего – брат умер... Но всё равно сдерживался.

Повоеет потом. Вечером. Когда останется один. А сейчас встреча с Садаровым и дальше по накатанной: ритуальная компания, ресторан и с директором кладбища надо встретиться. Тимура он похоронит рядом с отцом. Другие варианты даже не рассматриваются.

Похоронит...

Ком встал в горле, и Вадим, вырывая к дому Садарова, открыл бардачок и достал оттуда небольшую бутылку с обычной водой. Открутил крышку и сделал несколько жадных глотков, смачивая рот и горло. Оставалось надеяться, что Садаров пригласил его по делу, и он не сорвется.

Ссориться с Наилем сейчас не хотелось. У них и так последнее время натянутые отношения. Старик сдает позиции и сам это понимает. Но есть ещё порох и желание драться. Поэтому его скидывать со счетов рано.

Вадим остановил машину и посмотрел на часы-скелетоны. Он дает им полчаса. Не больше. Потом в больницу.

При мысли, что у него нет больше брата, тугой узел внутри затягивался всё сильнее и сильнее.

Говорят, близнецы чувствуют друг друга. Печали, радости.

Брат... Когда они перестали чувствовать друг друга?

Когда ты ушел из семьи?

Или когда он?

Где их дороги разошлись?

Вадим вышел и задрал лицо к небу. Ранний октябрь радовал солнцем, но скоро оно будет всё реже и реже греть. Мужчина выдохнул, достал сигарету и прикурил. Не курил столько лет, недавно начал снова. Сделал затяжку, потом вторую. Никотин напитал организм, освежил голову.

Люди Садарова стояли в стороне, ждали, когда он к ним присоединится.

Ладно, чем быстрее он услышит, что от него хочет старый змей, тем лучше. Нечего рас-сиживаться и прохлаждаться.

У Наиля в гостях ему ещё не доводилось бывать. Тоже удивительно. Они встречались с ним или в офисах, или в автосалонах. Последние разы виделись в отелях. Наиль прикупил.

Вадим не уделил внимания ни роскошному саду, ни интерьеру трехэтажного дома.

Дмитрий скупно попросил его следовать за ним.

Кабинет Садарова находился на первом этаже. Большой, просторный. С мебелью из массива дерева. Стильно и одновременно изысканно. Сам Наиль стоял у окна, сложив руки за спину.

– Дмитрий, свободен.

Как только закрылась дверь, Наиль обернулся:

– Прими мои соболезнования, Вадим. Зла моему брату я не желал. Пусть его душа покоится с миром.

Багов поджал губы.

Соболезнования...

Первые. И от кого? От того, с кем они если не воевали в открытую, то соперничали и делили территорию на протяжении последних пяти лет.

– Спасибо, Наиль.

Тот сдержанно кивнул.

– Присядь. В ногах правды нет.

Садаров был ещё молодым и крепким мужиком. Вадим знал точный его возраст – шестьдесят один год. С колким цепким взглядом Наиль стремился контролировать всех по-макси-

муму. И бизнес вел жестко. Вадим подозревал, что в лихие девяностые Садаров нередко поступал жестоко. Что еще? Овдовел пять лет назад. Имел тридцатилетнюю любовницу.

– Я не буду ходить вокруг да около. Тебе сейчас не до моих разглагольствований и не до моей жизненной философии, Вадим. Несмотря на наши с тобой разногласия, я всегда с большим уважением к тебе относился. И отношусь.

Вадиму не нравилось начало разговора.

Категорически.

– Ты выцепил меня не вовремя, Наиль.

– Знаю. Но думаю, ты всё же изменишь мнение. Я не задержу тебя надолго. Понимаю... На тебя сейчас много навалится. В свою очередь я готов оказать всяческую поддержку и помощь. Да, ты не ослышался. Поддержку и помощь.

– Наиль... С чего такая щедрость?

Мужчина усмехнулся.

– Щедрость... Мои порывы продиктованы многими причинами. Личными – тоже.

Личными? Даже так.

Вадим насторожился.

– Перехожу к делу. Ты, наверное, знаешь, у меня есть дочь. Майя. Единственная. Рожденная поздно и от любимой женщины. Я воспитывал её, как мог. Но не углядел.

Багову всё сильнее хотелось выругаться и сказать, что проблемы воспитания чад его меньше всего касаются.

Но сдержался.

Садаров не просто так начал разговор. Интуиция Вадима оцетибилась. Мужчина напрягся.

В чем подвох?

А он был.

Сто процентов.

– В твоей семье трагедия. В моей – тоже. Ты потерял брата, я теряю дочь.

– Наиль, я сожалею, но при чем тут я? Извини, но...

– Выслушай. И прошу, не перебивай. Я не займу у тебя более пяти минут. Озвучу, что хотел. Решение оставляю за тобой.

Касимович замолчал, выдерживая паузу и правильно расставляя акценты. Если он считывал, что произведет эффект – зря.

Вадиму сейчас было глубоко плевать на него и на его акценты.

Зачем он вообще приехал? Послал бы его парней куда подальше. В больнице они драку бы не затеяли. Дуло тоже не приставили бы. А если бы и приставили, то получили бы отпор.

Вадим откинулся на спинку кресла.

– Наиль. Не тяни.

– Да что тянуть-то. Беременна моя дочь.

– Поздравляю...

– Рано поздравляешь. Потому что беременна она от твоего Тимура. Это первое! Тихо... Тихо, Вадим. Дай сказать. Видео у меня есть. Где они вдвоем уходят. Вернее, он её уносит. А второе... Сам понимаешь, для меня это позор. Не сберег девку, не досмотрел. Опозорила она меня. Позор смывается только кровью. В моем случае только так. Выбор тут небольшой. Или моя дочь входит в твою семью, или я отправляю её на аборт. Других вариантов нет и не будет.

Наверное, при других обстоятельствах Вадим рассмеялся бы в голос, откинув голову назад.

Но сейчас смех отчего-то застрял в горле.

– Наиль, угости выпивкой.

Если хозяин дома и удивился, то не подал вида. Прошёл к бару, достал пузатую бутылку и плеснул в два стакана. Закрыв шкаф, подошёл к Вадиму и протянул ему один.

Выпили молча.

Вадим пытался прийти в себя, собрать мысли в кучу.

Получалось плохо.

Слишком много нестыковок. Слишком много вопросов.

– Ты уверен, что от... брата?

– Она сама призналась. Говорит, только с ним была.

– Охренеть.

– Полностью согласен. Почему я с тобой говорю именно сейчас? Потому что потом будет поздно. Мы или роднимся – вы по-тихому расписываетесь, или...

– Срок какой?

– Одиннадцать недель.

Мля!

Аборты вроде бы как до двенадцати делают. Дальше – с осложнениями.

Вадим не был удивлен жестким решением Наилья. В его духе.

А родная кровь...

Он устало провел рукой по лицу.

– Наиль, я тебя услышал. Вечером дам ответ. Не сейчас...

Садаров снова сдержанно кивнул.

– Жду звонка.

Вадим поднялся на ноги и посмотрел на недавнего соперника.

– И ещё... Чтобы решение принималось быстрее и оказалось правильным. Рак у меня. Врачи хороших прогнозов не дают. Не могу я оставить дочь с позором. Растерзают. И бизнес по ветру пустят. Поэтому... – Он выразительно посмотрел на Багова. – На похоронах Майя может быть уже с тобой. Поддержит... И для народа... полезно.

Бизнесмен в крови Наилья говорил до последнего.

Вадим его понимал. Отлично. Каждый мотив.

– Пришли мне видео на «Ватсап». Удалю сразу же.

Наиль кивнул:

– Договорились.

Вадима никто не провожал. Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Теперь до машины.

А дальше куда? В больницу?.. Документы надо подписать, с ментами встретиться.

В голове же полная неразбериха. Знал Наиль, когда звать к себе.

Лучше бы не ездил.

Или...

У Тимура был бы ребенок.

Не у него. У брата...

А теперь будет у него?

Стоп.

Вадим заставил себя притормозить. Если он продолжит думать в этом направлении, то к вечеру рехнется.

Вышел и сразу же к машине. Он не сомневался, что за ним наблюдает Наиль.

И не только он. Уже садясь в «мерс» он заметил, как дернулась занавеска на втором этаже.

У Тимура была девушка.

О которой никто не знал.

И которую никто не ждал.

Его брат не был импотентом в прямом смысле этого слова. Но насколько Вадим знал, его просто не интересовал секс в принципе. Он был асексуалом.

Был...

Сглотнув застрявший в горле ком, Вадим завел двигатель и с юзом стартанул. Уже выезжая за ворота, он обернулся и снова посмотрел на дом Наиля. Взгляд самопроизвольно взметнулся ко второму этажу, и Вадим увидел очертание женской фигуры.

Один разговор. Второй... Ещё один.

Встреча и ещё одна.

Вадим думал, этот день никогда не кончится.

Под вечер прилетела мать, её встретил.

– Не досмотрел, да? – именно эти слова произнесла женщина, которую он не видел пять лет.

– Долетела нормально?

– И это всё, что ты мне можешь сказать?

– Номер в отеле для тебя готов.

– В отеле? Не у тебя в доме?

– Нет.

– Вадим...

– Нет, я сказал. Не нарывайся, честно. Тим мне был братом, близким человеком...

Поэтому не нарывайся.

– Ты!..

– Всё, пошли.

Его мать была высокой, стройной женщиной, помешанной на своей внешности. Каждый месяц он переводил на счет матери крупную сумму. Но опять же, это не делало его любимым сыном. Да он и не стремился. Уже. К тридцати четырем годам любой мужчина обростает крепкой броней.

Они вышли из здания аэропорта и прошли к его машине.

– О, у тебя новый автомобиль? Мерседес. Дорогой.

Последнее было не вопросом, а утверждением. Его матушка отлично разбиралась в дорогих автомобилях. Она вообще разбиралась во всем, что касалось денег.

Больших денег.

Вымотавшись окончательно и периодически теряясь, Вадим запоздало подумал, что надо было посадить за руль водителя. Благо до отеля ехать минут пятнадцать. Фешенебельный. С красивым вестибюлем и вышколенным персоналом, к которому мать всё равно найдет повод придаться и высказать своё недовольство.

– Как умер Тимур?

– Я же тебе говорил.

– Я хочу слышать ещё раз. Трудно повторить для матери? Я сегодня потеряла сына, а ты!..

Вадим не выдержал. Где-то всё же сорвало пружины, и он, резко вырулив, съехал на обочину. Сзади едущая машина гневно посигналила ему, на что он не обратил никакого внимания.

– Мама, давай кое-что проясним. Раз и навсегда, – он говорил безапелляционно, прямо глядя в удивленные глаза женщины, что замерла сейчас на переднем сиденье и настороженно подалась назад. – Ты нас с Тимом кинула, когда нам было по тринадцать. Укатила с любовником на Лазурный берег. Как там его звали? Веня? Потом был Станислав Васильевич. Потом Аркаша. Как видишь, я хорошо помню твоих еб*рей-ухажеров. Насрать тебе было и на меня, и на Тима. Всегда. Самым большим своим достижением в жизни ты считаешь рождение детей.

Именно рождение. Сам факт. Сколько ты нас рожала? Сорок пять минут. Именно столько длилась операция по кесареву сечению. Дальше были няньки и отец, которого ты успешно шантажировала с помощью нас. Помолчи! – рявкнул он, когда она открыла рот, собираясь ему возразить. – Мы выросли. Как-то без тебя. Хорошо ли, плохо – не тебе судить. Поэтому сейчас не капай мне на мозги, не изображай из себя горестную мать. Если бы мы были обычными работягами, менеджерами, что работают в офисе по девять часов за сорок тысяч деревянных рубликов, ты бы даже не знала, в каком городе мы живем! Поэтому... Помолчи, прошу в последний раз. Про Тимура я тебе уже всё рассказал при звонке. Дальше... Общаемся по минимуму. Надолго меня на тебя не хватит. Я достаточно ясно выразился?

Вадим не считал, что перегибает. Иногда полезно человеку сказать правду в глаза. По крайней мере, очертить территорию личностного пространства, которую нарушать небезопасно.

Мать поджала губы и снисходительно кивнула.

– Я тебя слышала... сын мой.

– Вот и отлично.

Он снова тронулся с места, но не успел выехать на трассу – телефон пропиликал про входящее сообщение. Вадим хотел его проигнорировать, но взгляд упал на часы. Двадцать семь минут девятого.

Уже вечер...

Взял в руки телефон, мазнув пальцем по экрану, Вадим открыл «Вайбер», перекинул присланное видео себе на почту, после чего удалил файл из мессенджера.

Наиль ждал его ответа...

Больше не колеблясь, Вадим набрал ответное сообщение:

«Наиль, за тобой оставляю дату бракосочетания».

Ему не до этого.

Ещё одно сообщение пришло практически сразу же:

«Завтра пришлю её к тебе».

Пришлет он...

Вот и весь разговор.

Вот и сватовство.

Глава 2

Ночь выдалась не менее сложной, Вадим спал плохо, урывками.

В пять уже был на ногах. Смысл валяться в постели?

Друзья – его и Тима – уехали от него вчера поздно. Решали, вспоминали, оказывали помощь.

Пили.

Так всё сложно...

Вадим никак не мог принять трагическую смерть брата.

Натянув спортивные шорты, майку-борцовку и сверху тренировочную кофту, он сбежал по лестнице и направился во двор. Октябрь в этом году выдавался прохладным, по ощущениям ниже на три-четыре градуса, чем обычно. Роса под ногами неприятно холодила.

Вадим повел плечами, разминаясь. Немного проработает мышцы и вперед.

Бег отлично выветрит из головы всю дурь. И остатки алкоголя, кстати, тоже. Но вчера он не мог не выпить.

Нажал на брелок, и автоматические ворота отъехали в сторону. Вставив наушники, Вадим побежал.

Он любил спорт. Любил ощущение полной свободы, некого обнуления. Когда в голове выветривались все лишние мысли. И оставалась лишь работа мышц.

А вот Тим спорт не любил. Отец рано привел их в спортзал, и если Вадим сразу же влился в коллектив, готов был сутками пропадать в залах, тренироваться, общаться с ребятами, ездить на сборы, то Тимур скрипел зубами и придумывал сотню причин, чтобы отлынивать. За что периодически и получал от отца. Младшего брата больше интересовали компьютеры и игры. Вадиму нередко приходилось впрягаться за Тима, хотя он искренне не понимал почему. Они близнецы, у них сила и возможности равны. Но там, где Вадим безоговорочно лез в драку, отстаивая своё мнение и право быть тем, кем он хочет, брат мотал головой, оседал на землю, сжимался и позволял себя бить. Порой убегал.

Времена диктуют свои правила, отец нехотя признал, что один сын у него ботаник и геймер. Друзья Рустама говорили, что в век технологий и программирования ботаником быть не так плохо. Спрограммирует что-нибудь эдакое, разбогатеет, компанию свою откроет, бизнес крупный создаст. Отец не верил. Не верил и Тимур.

Чуда не случилось. Братья выросли. Вадим ещё в институте начал пробовать себя, открыл свою первую автомастерскую. Тимур продолжал играть. Кое-как закончил институт, опять же не без пособничества отца, который дружил с ректором.

И... всё.

На этом пути разошлись. В какой-то момент братья поняли, что им не о чем даже поговорить. Вадим ни черта не понимал в играх, «танчиках» и прочей для него хрени. Он до сих пор считал, что взрослые парни и мужчины должны заниматься делом, а не просиживать штаны перед компьютером в воображаемом мире. Жизнь одна. И она тут. Здесь. Сейчас. А не за экраном.

Последний раз они виделись с Тимуром в клубе два года назад. Тим нашел его сам. Пришел к нему в офис. Обросший и с красными глазами.

– Вадим... Тут такое дело. Не поможешь деньгами? Машинку хочу прикупить... А то моя совсем плохенькая.

На лице Вадима не дрогнул ни один мускул.

– Какую планируешь брать?

Тим занервничал сильнее.

– Не знаю, поезжу по автосалонам, посмотрю...

Брата даже не смутило, что он сидит в кабинете владельца одного из автосалонов.

– Сколько не хватает?

– Тысяч пять, – Тим сглотнул, – евро.

Вадим денег дал. Парней попросил присмотреть за Тимом. Главное, чтобы не кололся, с остальным – разберутся.

Не разобрались. Пусть брат и не скатился на дно, не начал пускать дурь по венам, его страсть в игроманию превратилась в пагубную. Покер, какие-то ставки, игра на деньги. Всё довольно банально.

Вадим хотел с ним встретиться. Звонил, приглашал, но Тимур игнорировал.

В конце концов, Вадим махнул рукой. Не маленький. Если брата прижмет – придет, и тогда уже решат, что и как.

До больших долгов Тим не докатился. Даже завязал, устроился работать дизайнером на фабрику. Обои рисовал. Со стороны всё выглядело вполне неплохо.

И вот... Исход.

Ком в горле Вадима образовался вновь. Как и сжигающее всё изнутри горечь от потери.

Он сделал круг по району, взмахом руки поздоровавшись с такими же ранними бегунами, и направился к дому.

Сегодня ещё более тяжелый день.

Он увидел её сразу же.

Невысокую, миниатюрную фигурку, одиноко стоящую у его ворот, он не мог не заметить.

Никак.

Вадим нахмурился.

Какого...

Час ранний. Более чем. Он, не сбавляя темпа, задрал рукав и посмотрел на часы. Без пятнадцать шесть. Кто может приехать к нему в такую рань? Да ещё без звонка.

У него уже несколько месяцев нет постоянной подруги. Расстался и не озадачился вопросом постоянной любовницы. Поначалу всё отлично – девочки играют в кисонек, согласны на многие его условия, ласковые. А потом начинаются требования и претензии. Позывы прийти на его территорию и обустроиться.

Он пока никого не приглашал. Максимум – переночевать. Или съездить отдохнуть вместе. И только.

А тут...

Она его тоже увидела, потому что расправила плечи, одновременно обхватывая их руками. Правильно, девочка, на улице холодно, а ты одета явно не по погоде: тонкие брюки, кожаная куртка, под которой не виднелся свитер.

Вадим перешел на шаг метров за двадцать от дома. Пульс придет в относительную норму. Во время бега мужчина накинуд на голову капюшон, снимать его пока не спешил.

Незванная гостья нервничала, переступала с ноги на ногу. Она увидела его и теперь смотрела в его сторону. На кого же ещё? Улица пустынна. Так и хотелось девчонку отчитать за то, что отпустила такси. Кто же отпускает машину, не убедившись, что хозяева дома и тебя пустят за ворота? Только дамочки, которых природа не озадачила наличием мозгов. Или те, кто совершенно не приспособлен к реалиям жизни. Ни первых, ни вторых Вадим не жаловал.

Он предпочитал взрослых, самостоятельных женщин, которые четко понимали, чего хотят и что могут дать. А также на что могут претендовать.

Он ещё сбавил шаг, чтобы иметь возможность рассмотреть девочку.

Первая ассоциация: кроха.

Маленькая. Беззащитная.

Вторая: красивая.

Оглушающе красивая. Но не той клубной гламурной красотой, к которой они все привыкли: длинные ноги, токая талия, слишком перетянутая корсетом, полные, накаченные губы, перманентные брови, наращенные ресницы, подправленные филерами скулы. Все настолько одинаковые, что иногда и имени спрашивать нет надобности.

Незнакомка другая.

Нежная. Невысокая, светловолосая, с идеальной молочной кожей, которую хотелось рассмотреть поближе и удостовериться, что без изъяна. Губы бантиком поджаты.

Вадим остановился в паре метров от неё. Девочка напряглась сильнее и сделала в его сторону шаг.

– Доброе утро. Извините, пожалуйста, а вы не знаете...

Она оборвала сама себя и сделала шаг назад – Вадим скинул капюшон, и она увидела его лицо.

Несмотря на то, что они с Тимом вели разный образ жизни, сходство между близнецами никуда не делось.

Вадим остановился и пристально посмотрел на гостью.

И голос у неё соответствующий – мягкий, не звонкий. Ласкающий. В его порочном, испорченном женским вниманием сознании сразу же возникла мысль: а как он будет звучать, когда она будет кончать?

Под ним.

Твою ж мать.

Верхняя губа Вадима дернулась в потребности оскалиться и выругаться уже вслух.

Она его узнала. Сразу же стушеввалась, побледнела сильнее, руки заломила.

– Я... Меня зовут...

Она разговаривать с ним, не заикаясь, не могла!

– Я знаю, кто ты, – грубо бросил Вадим, засунул руку в карман и активировал ворота. – Раз пришла – проходи. Отец в курсе, что ты... у меня?

Она мотнула головой.

– Нет, – Майя Садарова шумно слотнула. – Я должна была с вами встретиться в девять часов.

– Весело. Значит, без ведома Наиля.

– Да. Мне надо... поговорить с вами.

А ему?.. Вот прямо здесь и сейчас? На рассвете, когда эмоции кроют так, что дышать нечем, и в груди не проходящее ощущение воткнутого лома?

Он указал рукой, чтобы она проходила первой.

Девочка снова стушеввалась. Как, интересно, она собиралась вести с ним диалог, если дрожит, точно осиновый лист? Но смелости набралась, шагнула вперед, оказавшись рядом с ним.

Вадим не ошибся – кроха. Самая настоящая. Если бы обувь на платформе или на каблуках, ещё повыше казалась бы. А так – сколько в ней? Не больше метра пятидесяти пяти. Может, шестидесяти. И он – больше метра восьмидесяти. Вес – за сотку.

Она тоже чувствовала разницу в комплекции, потому что её взгляд бегло прошелся по нему, оставляя невидимые следы. Да и держалась она особняком, явно опасаясь приближаться ближе.

Девочка-девочка, зачем тогда вообще пришла?

В дом они входили молча.

Она ступала осторожно, так же осторожно осматривая его холостяцкую берлогу, которая таковой скоро перестанет быть. И смех, и грех. Вадим провел по коротким волосам. Ситуация патовая.

Но он знал, что так будет. Что возникнут проблемы. Их будет много.

– Пошли на кухню. Кофе? Чай? Воды?

– Воды, если можно.

Какая культурная... Или таким образом выставляет расстояние между ними, очерчивает личное пространство? Так зря. Нечего было и приходить. Привел бы тебя отец, вот с ним разговор и продолжили бы.

На кухне после ночных посиделок было не прибрано. Перед сном Вадим загрузил грязную посуду в посудомойку, на этом – всё. Пепельница с окурками, полупустые бутылки, пара неубранных тарелок с нарезками свидетельствовали о том, что здесь недавно сидела компания. Суетится перед Садаровой он не стал. Взял полотенце, промокнул пот с лица и шеи. По-хорошему бы подняться в комнату и принять душ.

Но... раз гость незванный, пусть довольствуется тем, что имеется на данный момент.

Он налил из графина воды и сказал:

– Присаживайся, что стоишь в дверях.

После чего демонстративно прошёл к столу и поставил стакан на столешницу.

Что ж так хреново-то?

От вида этой девочки, что смотрит на него с настороженностью, а у него внутри что-то заходит, щемит, едва ли не разрывается.

Он ничего не понимал. Да и не хотел. Не до этого.

У него похороны.

И свадьба.

Как-то так.

А ещё скоро он станет отцом.

Как от этого не поехать крышей или не спиться – хорошие вопросы. Актуальные.

Вадим отвернулся, подошёл к холодильнику, открыл его, собираясь приготовить энергетический напиток, потом передумал и достал минералку. Открутил крышку и приложился к горлышку, одновременно нажимая на кнопку чайника. Ограничится пока матэ.

За его спиной послышались легкие и осторожные шаги.

Значит, прошла.

Он обернулся в тот момент, когда она усаживалась за стол с самым серьезным выражением лица.

– О чем ты хочешь со мной поговорить?

Вадим сразу перешёл к делу.

Некогда ходить вокруг да около.

– Отец хочет, чтобы я вышла за вас замуж.

Видимо, у неё было такое же состояние – с разбега в карьер. Что ж. Не самое плохое качество.

Если ты знаешь, с кем разговариваешь.

Она – явно не знала.

Вадим снова посмотрел на неё, отметив, что стакан с водой она обхватила обеими руками. Её волнение он отлично понимал. Только что ему с этого?

Он был зол. Раздражен. У него горе.

Жизнь сделала резкий вираж, и он ещё не сообразил, куда и как будет двигаться дальше.

– Я в курсе.

– Вы не должны этого допустить.

Вот это заявление его позабавило.

Он усмехнулся и прислонился спиной к столешнице кухонного гарнитура, поставил почти пустую бутылку и скрестил руки на груди.

– Я?

– Да. Вы.

Она попыталась посмотреть на него, встретиться с ним взглядом, видимо, рассчитывая таким образом показать серьезность своих намерений, заявлений. Даже вздернула подбородок кверху, но, стоило их взглядам встретиться, как она тотчас ретировалась. Её глазки опустились, губы поджалась, она даже шею втянула в плечи.

И как с такой разговаривать?

– Значит так, Майя, – начал он, не собираясь с ней нянчиться. Взрослая девочка. Его грубость переживет. Ноги научилась перед парнями раздвигать, не озаботившись предохранением и пойдя наперекор воспитанию, значит, созрела и до серьезных разговоров. – Ты беременна от Тимура? Твой отец не ошибся?

Её щеки стремительно начал покрывать румянец, который немало удивил Вадима. Он и забыл, как выглядят смущающиеся девочки.

Красиво...

И в сексе она будет такой же красивой...

Багов, ты совсем охренел! Головой тронулся, не иначе.

Какой секс?! О чем ты думаешь?

Но инстинкты здорового, любящего секс мужчины никто не отменял.

– Нет, не ошибся. Но это ничего не значит...

– Это значит всё, – перебил он её, не желая слушать бред, который она собиралась пронести.

– Нет! – снова ринулась она в бой, облизнув губы. – Вы не понимаете...

– Что я не понимаю? – рявкнул Вадим, раздражаясь всё сильнее. – Ты носишь под сердцем ребенка моего брата. Касимович вполне четко дал расклад: или мы женимся, или ты делаешь аборт. Я, как дядя этого не родившегося малыша, костями лягу, но не позволю тебе сделать аборт. Если надо, лично к кровати привяжу и проконтролирую, чтобы ты с ребенком ничего не сделала.

Глава 3

– Я и не собираюсь делать аборт! – Майя тоже немного повысила голос, но быстро сбавила темп, вовремя вспомнив, что находится в чужом доме и разговаривает с незнакомым мужчиной. Девушка схватилась за горло, точно ей становилось трудно дышать. – Да выслушайте вы меня! Пожалуйста...

– Я-то слушаю тебя. А вот ты – нет.

– Я не хочу делать аборт. И не буду. Но и за вас замуж...

На этот раз она оборвала себя сама. Её глаза взметнулись кверху, остановившись на его лице и поспешно спустившись вниз, уже более тщательно осматривая Вадима.

Он нравился женщинам и знал об этом. Самоуверенный. С деньгами. Тот, кто идет по жизни смело, методично добиваясь своей цели, сметая на пути всё лишнее.

И Майя до дрожи в ногах боялась попасть в категорию «лишних».

Он ей не понравился.

Более того, от таких мужчин, как он, она предпочитала держаться подальше.

Слишком много... мужского. Тестостероидного.

Тим говорил: несмотря на то, что они близнецы, разница между ними большая. Майя тогда посмеялась. Для неё близнецы всегда были неразделимы. А уж внешне... Они же не двойняшки, а именно близнецы, когда всё на двоих.

Тимур оказался прав. Он и брат – едва ли не противоположности. Единственное, что схоже – рост. И то, Вадим Багов, как ей показалось у ворот и потом, когда они шли к дому, был выше. Сантиметров на пять. Возможно, оттого что Вадим занимался спорт, а, как известно, спорт вытягивает позвонки, не позволяя им деформироваться в процессе жизни.

О чем она думает?... Совсем не о том, о чем следует.

– Не хочешь, – закончил за неё мужчина, снова возвращая к реальности. – Слышал. И вижу.

– Поэтому давайте мы...

– Майя, остановись. Хватит.

Он немного смягчил тон, но отчего-то на неё эта смена произвела ровно противоположный эффект.

Девушка сильнее сжала горло. Глупая привычка, от которой никак не удастся избавиться. Сейчас она не просто волновалась, сейчас она была на взводе, и не плакала лишь по той причине, что за эти дни, с того самого момента, как отец узнал о её беременности и пошёл жесточайший прессинг, выплакала все слёзы.

– Вадим, – она впервые обратилась к нему по имени и заметила, как он недобро отреагировал – свел брови на переносице. – Вы же тоже наверняка не горите желанием брать меня в жены. Вадим, пожалуйста...

– Ребенок от Тимура. Значит, будет носить фамилию Баговых. Надеюсь, я достаточно ясно говорю?

– Ок. Хорошо, – она, наконец, оставила горло в покое и ринулась дальше в диалог, не замечая потемневшего взгляда мужчины. – Фамилию вы можете ему дать свою. После того, как я рожу. Я не буду противиться вашим встречам и...

– Ты слышишь, какую чушь несешь? Повторяюсь, хватит, Майя.

– Нет, не хватит, – она в отчаянии потрясала головой. Разговор с Вадимом Баговым – её последний шанс. И именно здесь и сейчас. Потому что после будет поздно. Отец выдаст её замуж в ближайшие дни. Не посмотрит на траур, обыграет это так, что родственники, знакомые и партнеры ещё и по плечу его будут хлопать. – Я всё понимаю... Мой ребенок относится и к вашей семье...

– Если ты сейчас же не прекратишь пороть ахинею, я просто отберу у тебя ребенка, женщина.

Он сказал это тихо.

Начал говорить, когда она набирала в грудь воздух, чтобы продолжить на выдохе свою пламенную речь, но ей пришлось замолчать, чтобы услышать его тихие слова.

Без крика. Без лишних эмоций.

Простая констатация факта.

Но если Майя думала, что самое страшное уже услышала, то она ошиблась.

– Сын моего брата будет воспитываться в моей семье. Войдешь ты в неё или нет – тебе решать. Не хочешь выходить за меня... Знаешь ли, девочка, насильно в ЗАГС не потащу. Не переживай. Составим договор, контракт, по которому ты будешь обязана передать ребенка после рождения мне. Скажешь, что законы Российской Федерации будут на стороне матери? Конечно, будут. Только суд я затяну на долгие годы, и, пока идет разбирательство, ребенок будет проживать со мной. Сколько без поддержки отца и родни ты со мной сможешь судиться? Год? Сомневаюсь. Послеродовая депрессия и так далее и тому подобное. Я, надеюсь, ясно обрисовал перспективы?

По мере того, как он говорил, глаза Майи расширялись, и внутри всё покрывалось холодом.

Каждое слово, каждое выражение впечатывалось в сознание девушки.

Как это – отобрать ребенка? Не своего... Разве такое возможно?

Если бы Майя росла в среднестатистической семье, например, учительницы и водителя, она безоговорочно сказала бы, что нет. Невозможно.

Но она росла в семье, где часто попирали закон, где юристы находили такие лазейки, что становилось страшно от вседозволенности некоторых. И хорошо, если решение проблемы находили юристы, а не другие... уполномоченные.

– Я... я не понимаю... Это не ваш ребенок... Зачем он вам, Вадим?

Она цеплялась за последние доводы. Пыталась ещё что-то говорить. Как-то пробиться сквозь капитальную стену непонимания.

– Ты слышала всё, что я сказал.

– Вы... вы – чудовище, – выдохнула Майя, поднимаясь. Находиться в обществе человека, который оказался хуже, чем она предполагала, становилось невыносимо.

Она смотрела на него и больше не видела.

Не могут люди играть чужими жизнями. Не могут всё принимать за других. Это неправильно. Это несправедливо.

– Какой есть.

Слова донеслись до неё сквозь пелену.

Зря она приходила.

Зря на что-то рассчитывала.

Зря...

Никто ей не поможет.

Надо...

Что, Майя?

Надо брать себя в руки. Ради ребенка. Ради её малыша.

– Спасибо, что уделили время.

Она встала и пошатнулась. Перед глазами замелькали мушки, и она, чтобы устоять на слабых и без того ногах, уперлась руками о стол.

– Майя... Тебе плохо? Майя... Твою ж...

Она не видела, как мужчина бросился в её сторону, как успел подхватить безвольно оседающее на пол тело.

Он успел её поймать.

Ни разу в жизни при нем девушки не падали в обморок.

В голове набатом пронеслась мысль, что Майя беременна, и беременные периодически теряют сознание.

Он сжал её за талию, подхватил и перенес на диван. Какая легкая... Совсем пушинка. Ничего не весит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.